

Мужчина был одет в строгий костюм, на носу — очки в золотой оправе.

Идеально уложенные назад волосы и безупречный вид выдавали в нем человека, привыкшего к элите, что выглядело совершенно неуместно в здешней обстановке.

Встретившись с ним взглядом, мужчина вежливо поинтересовался:

— Прошу прощения, здесь живет Цзян Цинъянь?

Цзян нахмурился:

— Это я.

Услышав ответ, незнакомец кивнул и толкнул железную калитку. Та с лязгом подалась, и в расширяющемся проеме взору Цзяна предстал человек в инвалидной коляске.

На нем была черная рубашка, он небрежно откинулся на спинку кресла.

Вопреки прохладе, воротник был расстегнут, обнажая изящные ключицы и смуглую кожу. Эта расслабленность смягчала строгий, отстраненный образ, который обычно создают дорогие костюмы, а легкая, едва заметная улыбка в уголках губ добавляла облику налета беззаботности.

Цзян невольно уставился на его ноги — разве вчера с ними не было всё в порядке?

Пока он застыл в замешательстве, коляску с Шэнь Ланьшу подкатили прямо к нему.

Тот медленно поднял голову, его красивые губы изогнулись в улыбке. Он выпрямился, и раздался его низкий, бархатный голос:

— Позволь представиться: я Шэнь Ланьшу. Перед смертью твой дед заключил с моим дедом устную договоренность о твоём браке с моей сестрой. Так что я — твой будущий шурин. Господин Цзян, отныне ты мой будущий зять.

Шэнь Ланьшу наклонился и протянул руку державшему миску Цзяну:

— Рад знакомству, зять.

Цзян решил, что ослышался, и помолчал несколько секунд:

— Я не расслышал, что ты сказал. Повтори еще раз.

Небо после дождя постепенно прояснялось.

Солнечный свет пробивался сквозь облака, принося с собой тепло раннего лета, но Шэнь Ланьшу вдруг стало зябко — так зябко, что его рука, зависшая в воздухе, слегка дрогнула:

— Я сказал, что я Шэнь Ланьшу, твой...

Он не успел договорить, как холод стал еще ощутимее.

И, возможно, ему не показалось: лицо юноши, до этого почти не выражавшее эмоций, в тот момент, когда он открыл рот, стало ледяным.

Раньше он не был знаком с Цзян Цинъянем, и уж тем более им не доводилось оставаться наедине.

Но теперь, присмотревшись, он заметил, насколько тот худой. Холодная, бледная кожа, открытая солнцу, казалась неестественно белой, отчего губы выглядели почти обескровленными.

Особенно выделялся острый подбородок. На первый взгляд он напоминал безжизненную фарфоровую куклу, но при этом обладал холодным, гордым взглядом. Его зрачки были такими черными, что казались подернутыми багровым светом, словно у кровожадного вампира — пугающе и завораживающе одновременно.

Шэнь Ланьшу всегда был равнодушен к чему-то яркому и сверкающему.

Особенно к чистому, без примесей. Он никогда не думал, что глаза человека могут быть настолько прекрасными.

Его рука, застывшая в воздухе, невольно потянулась выше. Когда пальцы почти коснулись подбородка юноши, легкий кашель сверху вывел его из оцепенения.

Придя в себя, он сохранил на лице вежливую улыбку, лишь слегка встряхнул рукой, будто та затекла, и украдкой вновь взглянул в глаза собеседника. Но те были спокойны, а зрачки — чисто черными, без малейшего намека на странный отблеск, словно увиденное ранее было лишь игрой воображения.

Он помедлил, пытаясь скрыть смущение, и выдавил:

— Можно закурить?

Шэнь Ланьшу почувствовал, что ему нужно прийти в себя.

Цзян равнодушно бросил:

— Валяйте.

В душе же он пытался понять, что значила та неловкая заминка — Шэнь Ланьшу хотел коснуться его лица или чего-то еще?

Он уже рассматривал себя в зеркале: это тело выглядело хрупким и угрюмым.

Единственное, что в нем было примечательного — это узкие, но выразительные глаза с чуть приподнятыми уголками. Неужели Шэнь Ланьшу хотел коснуться его глаз?

Цзян наблюдал за мужчиной, выпускающим облака дыма.

Шурин?

Он усмехнулся про себя, решив отбросить любые попытки изменить мнение о госте, и прямо спросил:

— Господин Шэнь, излагайте цель вашего визита.

Никотин, попавший в легкие, помог Шэнь Ланьшу вернуть самообладание.

Он медленно выдохнул дым, положив руку с сигаретой на подлокотник коляски. Дым, поднимаясь в свете дня, размывал его четкие, мужественные черты лица.

— Я приехал по двум делам. Первое — твой переезд в Киото, второе — помолвка с моей сестрой, Шэнь Цзянмянь.

Закончив, он лениво откинулся на спинку, приняв расслабленную позу.

— Продолжай, — сказал Цзян.

Шэнь Ланьшу стряхнул пепел, глубоко затянулся и снова резко выдохнул.

Белый дым окутал их обоих.

Вид стал нечетким, словно задернутым белой вуалью. Он прищурился, выдохнул и спокойно передал слова Старейшины Шэня:

— Твой дед спас жизнь моему, и старик всегда помнил об этом. Увидеться снова им удалось лишь перед самой смертью, поэтому он чувствует вину перед твоим дедом и хочет возместить её тебе. Помолвка — лишь часть компенсации. Моя задача — убедить тебя переехать в Киото.

— А если я не поеду? — спросил Цзян.

Шэнь Ланьшу не стал ходить вокруг да около:

— Тогда тебе придется дать мне причину, с которой я смогу вернуться к старику. Кроме того...

Он выпрямился, и по его жесту мужчина, стоявший за спиной, наклонился, забрал окурок, бросил его на влажный бетон и растоптал, после чего удалился за ворота.

Шэнь Ланьшу продолжил:

— Предупреждаю, причина должна быть веской. Иначе велика вероятность, что Старейшина Шэнь придет сам. И тогда, возможно, тебе придется вести этот разговор уже с моей сестрой лично.

Это было в духе Старейшины Шэня.

С возрастом люди становятся упрямее. В сюжете Шэнь Цзянмянь согласилась на фиктивную помолвку с Цзян Цинъянем только потому, что не смогла переубедить деда.

Цзян помолчал, а затем выпалил:

— Я люблю мужчин. Такой причины достаточно?

— Вполне, — Шэнь Ланьшу приподнял уголки губ. — Тогда не смею вас больше беспокоить.

Как только он закончил, вернулся помощник.

Кивнув Цзяну, он покатил коляску прочь — так же внезапно, как и появился.

Когда Цзи Синъе, приняв душ и переодевшись, вышел во двор, там уже никого не было.

Он принялся к остаткам табачного дыма, сунул ключи от машины в карман и небрежно

спросил:

— Пока я мылся, мне показалось, кто-то спрашивал тебя?

Цзян обернулся.

Волосы у того были еще мокрыми, видно, что спешил.

— Люди, присланные дедом Шэнем, — Цзян не стал вдаваться в подробности, лишь жестом попросил его подойти и покатить коляску.

Они не стали медлить и сразу поехали на ферму в пригороде.

По дороге в отель Шэнь Ланьшу всё вздыхал и охал, отчего у водителя Ли Сэня дергался глаз. Тот сразу понял, в чем дело:

— Босс, о чем вы вздыхаете?

Шэнь Ланьшу ждал этого вопроса.

Он откинулся на сиденье, закинул ногу на ногу и лениво произнес:

— У меня шесть двоюродных братьев. Если не считать второго, который рано женился, и четвертого, который как раз собирается, нас пятеро холостяков.

Ли Сэнь сначала озадачился, не понимая, к чему это. Но тут его осенило, и он вздрогнул:

— Не может быть?

Хотя современное общество довольно терпимо к однополым отношениям, это касалось лишь молодежи. Старшее поколение, особенно консерваторы, всё еще считало это психическим заболеванием. А Старейшина Шэнь, учитывая долг жизни перед дедом Цзян Цинъяня, не выглядел человеком с прогрессивными взглядами.

— Ты не понимаешь, — сказал Шэнь Ланьшу. — Внуков много, они не в дефиците.

В Клане Шэнь рождалось больше мальчиков, чем девочек. Цзянмянь была единственной дочерью в третьей ветви, её берегли как зеницу ока.

Старик души в ней не чаял, но ради спасения жизни готов был отдать даже любимую внучку.

Как младший, он не мог критиковать деда, но, зная его решительность, имел основания полагать: если старик узнает, что Цзян Цинъянь предпочитает мужчин, он может просто прислать к нему его двоюродных братьев на выбор.

Ли Сэнь всё еще сомневался:

— Мне кажется, вы накручиваете.

— Накручиваю или нет — узнаем, когда вернемся.

Шэнь Ланьшу замолчал, вспоминая странный блеск в глазах юноши, от которого у него по коже пробежал холодок. Он передумал:

— Нет, не вернемся. Старик только уехал, если я тут же вернусь, он решит, что я решил от него отмахнуться.

— Тогда куда мы?

— В отель. И заодно выясни, что связывает Цзян Цинъяня с этим парнем по фамилии Цзи.

<http://bllate.org/book/19897/1958726>